

**От «религиозного ренессанса» к стагнации и «новой» религиозности:
локальные трансформации Дальнего Востока***

А. И. Поспелова¹, С. М. Дударенок², О. П. Федирко²

*¹Северо-Восточный государственный университет
г. Магадан, Российская Федерация*

*²Отдел социально-политических исследований Института истории,
археологии и этнографии народов Дальнего Востока
г. Владивосток, Российская Федерация*

Введение. Динамику религиозных трансформаций на Дальнем Востоке в постсоветский период можно дефинировать как процесс перехода: от «религиозного ренессанса» разнообразных религиозных общин в рамках сепарационного типа государственно-церковных отношений, к стагнации и поиску «новой религиозности» в религиях и духовных практиках, которые выходят за рамки культурной традиции исторически «православных» этносов. Актуальность темы исследования определяется необходимостью научного анализа современного состояния религиозной картины региона, а также анализа трансграничных взаимодействий российского Дальнего Востока и сопредельных государств в религиозной сфере.

Содержание исследования. Российский Дальний Восток к началу 1990-х годов продолжал оставаться самым секулярным регионом страны. Религиозные организации стали активно «выходить из тени» в начале 1990-х, чему способствовала политика государства, которая стала базироваться на концепте «свободная церковь – свободное государство». Православие возродилось на основе исторического бэкграунда. Развитие в 1990-е годы на Дальнем Востоке России протестантской религиозной традиции, возрождение и создание общин и групп различных протестантских церквей во многом определялось материальной и моральной поддержкой дальневосточных верующих со стороны зарубежных миссионерских организаций. В начале XXI в. консолидированный российский протестантизм готов был выйти на политическую арену. Укрепляются позиции русского православия, епархии заключают ряд значимых соглашений с государственными органами управления. Начинается процесс десекуляризации образования. В десятые годы XXI в. уменьшается количество протестантских организаций, а молодежь в возрасте от 18 до 25 лет начинает выбирать НРД, возрастает интерес к кришнаитам, молодежь ищет новые духовные знания. Традиционные формы религии не дают ответов на духовные вопросы, так как, вероятно, вопросы эти ограничены культурно-образовательным уровнем субъекта, которому желательна простота и «научная мистика» ответов. Необычным

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00496А (The reported study was funded by RFBR, project no.20-011-00496 A)

© Поспелова А. И., Дударенок С. М., Федирко О. П., 2021

для региона является интерес русской молодежи к исламу. Жёсткость институционального регулирования занятости на Дальнем Востоке приводит к миграционной убыли населения. Все это рождает новую социальную и этническую картину Дальнего Востока и новые «поиски» религии.

Выводы. Религиозная динамика на Дальнем Востоке в постсоветский период представляет «маятниковую» трансформацию: от «взрывной религиозности» 1990-х гг., через период стабильности, который перешел в стагнацию и формализацию религиозной жизни, к периоду поиска «новой» религиозности. На фоне современной системы ограничений и запретов для «нетрадиционных» религиозных организаций РПЦ принимает на себя идеологические функции, что вызывает протест. У молодежи появляется реальная возможность широкого выбора и некоего «конструирования» религии, элементами и формами которой становятся многообразные культовые практики.

Ключевые слова: государственно-церковные модели, религиозные организации, верующие, религиозная трансформация, религиозная стагнация.

Благодарности: Выражаем благодарность главам религиозных организаций за предоставление внутренних материалов.

Для цитирования: Пospelова А. И., Дударенок С. М., Федирко О. П. От «религиозного ренессанса» к стагнации и «новой» религиозности: локальные трансформации Дальнего Востока / А. И. Пospelова, С. М. Дударенок, О. П. Федирко // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2021. – № 1. – С. 139–150. DOI 10.35231/18186653_2021_1_139

From “religious renaissance” to stagnation and “new” religiosity: Far East local transformations

Aleksandra I. Pospelova¹, Svetlana M. Dudarenok², Oksana P. Fedirko²

¹*Severo-Vostochnyj gosudarstvennyj universitet,
Magadan, Russian Federation*

²*Otdel social'no-politicheskikh issledovanij Instituta istorii,
arheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka,
Vladivostok, Russian Federation*

Introduction. The dynamics of religious transformations in the post-Soviet Far East can be defined as a process of transition: from a “religious renaissance” of various religious communities within the framework of a separate type of state-church relations, to stagnation and the search for a “new religiosity” in religions and spiritual practices that go beyond the cultural tradition of historically “Orthodox” ethnic groups. The relevance of the research topic is determined by the need for scientific analysis of the region current religious picture, as well as the analysis of cross-border interactions between the Russian Far East and neighboring states in the religious sphere.

Content. By the early 1990s, the Russian Far East continued to be the country's most secular region. Religious organizations began to actively “come out of the shadows” in the early 1990s, which was facilitated by the state policy, based on the “free church – free state” concept. Orthodoxy was revived on the basis of the historical background. The development of the Protestant religious tradition in the Russian Far East in the 1990s, the revival and creation of communities and groups of

various Protestant churches was largely determined by the material and moral support of the Far Eastern believers from foreign missionary organizations. At the beginning of the 21st century, consolidated Russian Protestantism was ready to enter the political arena. The position of Russian Orthodoxy is being strengthened, and dioceses are entering into a number of significant agreements with state authorities. The process of desecularization of education begins. In the tenth years of the 21st century the number of Protestant organizations is decreasing, and young people between the ages of 18 and 25 are starting to choose NRM, interest in Hare Krishna is increasing, and young people are looking for new spiritual knowledge. Traditional forms of religion do not provide answers to spiritual questions, since these questions are probably limited to the cultural and educational level of the subject, who wants the simplicity and “scientific mysticism” of the answers. Unusual for the region is the interest of Russian youth in Islam. The rigidity of the institutional regulation of employment in the Far East leads to a migration decline in the population. All this gives rise to a new social and ethnic picture of the Far East and a new “search” for religion.

Conclusions. The religious dynamics in the post-Soviet Far East represent a “pendulum” transformation: from the “explosive religiosity” of the 1990s, through a period of stability that turned into stagnation and formalization of religious life, to a period of search for a “new” religiosity. Against the background of the modern system of restrictions and prohibitions for “non-traditional” religious organizations, the Russian Orthodox Church assumes ideological functions, which causes protest. Young people have a real opportunity for a wide choice and a certain “construction” of religion, the elements and forms of which are diverse religious practices.

Key words: state-church models, religious organizations, believers, religious transformation, religious stagnation.

Acknowledgments: We express our gratitude to the heads of religious organizations for submitting internal materials.

For citation: Pospelova, A. I., Dudarenok, S. M., Fedirko, O. P. (2021). Ot “religioznogo renessansa” k stagnatsii i “novoj” religioznosti: lokal'nye transformatsii Dal'nego Vostoka [From “religious renaissance” to stagnation and “new” religiosity: Far East local transformations] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. pp. 139–150. DOI 10.35231/18186653_2021_1_139 (In Russian).

Введение

Динамику религиозных трансформаций на Дальнем Востоке можно дефинировать как путь: от «религиозного ренессанса» разнообразных религиозных общин, к расцвету в рамках сепарационного типа государственно-церковных отношений, и к стагнации и поиску «новой религиозности» в иных религиях и духовных практиках, которые выходят за рамки культурной традиции исторически «православных» этносов. Актуальность темы исследования исходит из необходимости научного анализа современного состояния религиозной картины региона, а также анализа трансграничных взаимодействий российского Дальнего Востока и сопредельных государств в религиозной сфере.

Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена двумя группами материалов. Первая – это полевые дневники авторов, составленные на основе включенного наблюдения конфессиональных мероприятий; личные архивы авторов. Вторая часть источников – внутренняя литература религиозных организаций, материалы текущих архивов администраций субъектов Дальневосточного федерального округа.

Методология, избранная авторами для настоящего исследования, включает в себя сравнительно-историческое исследование религиозных процессов, трансформации места и роли религиозного ландшафта российского Дальнего Востока; компаративный анализ деятельности миссионеров на территории региона; концепт маятниковой динамики религии американского ученого W. Cole Durham [15].

Содержание исследования

Российский Дальний Восток к началу 1990-х г. продолжал оставаться самым секулярным регионом страны [4; 5; 6]. В конце 1980-х годов только 10 611 чел., что составляло примерно 0,17% от общего количества населения региона, были верующими¹. На огромной территории действовало всего 160 религиозных общин и групп православного вероисповедания². «Религиозный ренессанс» в регионе начинается в конце 1980-х гг.³

Например, первый магаданский Покровский приход был зарегистрирован 22 февр. 1989 г.⁴ В 1988 г. в Магадан из США прибыла католическая миссия архиепархии Анкориджа во главе с архиепископом Фрэнсисом Томасом Херли. Активная проповедническая работа привела к тому, что вскоре в городе была зарегистрирована католическая община из 12 чел. во главе со священником Майклом Шилдсом⁵. Интересна позиция государственного чиновника – Уполномоченного по делам религии по Магаданской области. Он отказался принимать

¹ Текущий архив отдела по связям с общественными и религиозными организациями администрации Приморского края. Д. 2. Л. 34.

² Предполагая, что определенное количество дальневосточников скрывали свою веру в Бога, мы все-таки считаем, что данная цифра в целом отражала реальную ситуацию в религиозной сфере, так как количество верующих в пограничном дальневосточном регионе выявлялось «оперативным путем».

³ Мы говорим о «ренессансе», так как понятие ревитализации религии применимо не ко всем регионам Дальнего Востока [13].

⁴ Центр хранения современной документации МО. Ф. 21. Оп. 41. Д. 1. Л. 115.

⁵ Там же. Л. 118.

первого будущего епископа А. Шарова (РПЦ), но активно продвигал католическую церковь в регионе¹. Продвижение католиков из Аляски было актом более политическим, чем религиозным. Как показала практика – политический подход во многом детерминировал религиозную динамику региона².

Любая власть во все времена использовала элементы символики для утверждения своего положения. «Многие государства использовали христианство как аргумент в пользу легитимности своей власти» [2, с. 148]. Символики власти и церкви в той или иной степени сочетались, совмещались. Примером «констатации» этого является архитектура [3, с. 45]. Показательна история Свято-Троицкого кафедрального собора в Магадане. На площади Ленина со времен Дальстроя находилось центральное управление, затем в здании располагались редакция газеты «Магаданская правда» и Магаданский филиал ВЮЗИ. В 1970-х гг. на месте бывшего здания Дальстроя было начато строительство Дома Советов³. В 1985 г. строительство Дома Советов было остановлено. В 1990-е годы начали возводиться памятники и монументы жертвам «сталинских», позднее просто политических репрессий. Мемориальным объектом стал Свято-Троицкий кафедральный собор (Магаданская и Синегорская епархия)⁴. Символичность этой храмовой постройки заключается в том, что он возводился на месте снесенного Дома Советов, который был почти построен на месте дирекции Дальстроя⁵.

Религиозные организации стали активно «выходить из тени» в начале 1990-х гг., чему способствовала политика государства, которая стала базироваться на концепте «свободная церковь – свободное государство».

Развитие в 1990-е годы на Дальнем Востоке России протестантской религиозной традиции, возрождение и создание общин и групп различных протестантских церквей во многом определялось материальной и моральной поддержкой дальневосточных верующих со стороны зарубежных миссионерских организаций [12].

Первые миссионеры приехали на Дальний Восток в начале 1990 г. с Украины, Урала, центральных регионов России, Якутии и Южной Кореи [7, с. 27]. На

¹ Государственный архив Магаданской области. Ф.45. Оп. 30. Д. 1. Л. 35.

² Там же. Л. 220.

³ Новый памятник Ленину. Magadanmedia. День в истории. – 10 октября 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://vmagadan.su/article/108491/> (дата обращения: 11.11.2020).

⁴ Сайт Магаданской и Синегорской Епархии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magadan-eparchy.ru/objects/item-36.html>. (дата обращения: 13.12.2020).

⁵ Информация об особенностях религиозной ситуации и взаимоотношениях органов государственной власти и религиозных объединений Магаданской области 2015 г. // Личный архив А. И. Поспеловой (Л. 3).

Дальнем Востоке начинают образовываться школы по изучению Библии. Объединение церквей евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) Дальнего Востока в 1990-е годы активно сотрудничало с Южной Баптистской Конвенцией США, Баптистской посреднической миссией «Бэптист Мид-Мишинз» (Baptist Mid-Mission) и Баптистским Библейским содружеством (Baptist Bible Fellowship International) [10, с. 211–217].

В результате активной евангелизационной работы членов дальневосточных протестантских церквей в 1990-е годы, количество протестантских религиозных организаций и групп на Дальнем Востоке России значительно увеличилось. Протестантизм в регионе окреп и поверил в свои силы.

Например, в ноябре 2002 г. в Магадане произошла попытка консолидации протестантских религиозных организаций [1, с. 45]. Для статуса в обществе и для оптимизации совместной работы в феврале 2002 года был создан Консультативный совет глав протестантских Церквей (КСГПЦ).

Отличительной чертой Совета Церквей являлась попытка найти общие доктринальные основы. «Совет Церквей был готов работать на общих основах Символа веры Никейского собора и принять как общий догмат исхождение Святого Духа и от Отца и от Сына, т. е. принять один из важнейших католических догматов филиокве [1, с. 50]. В то же время, свои заседания организаторы Совета Церквей договорились проводить, начиная с молитвы «Отче наш». Таким образом, можно говорить о тенденциях экуменизма среди магаданских представителей протестантизма в нулевые годы.

Консолидированный российский протестантизм готов был выйти на политическую арену. Однако, в соответствии с существующими законами, религиозные организации не могут заниматься политической деятельностью, а создаваемый Совет Церквей в первую очередь пытался выйти на политическую арену, предложив свои электоральные услуги. Государственные органы резко отреагировали на политические притязания протестантов. Были инициированы судебные процессы по незаконности домостроений, по ЖКХ, по воскресным школам.

Попытка создания Совета Церквей в Магадане представляется актуальной и сегодня так как «протестантизм консолидируется в ожидании опасности, которую он видит в Законе “О противодействии экстремистской деятельности”»¹.

¹ Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / сост. и общ. ред. А. В. Пчелинцева и В. В. Ряховского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юриспруденция, 2006. С. 345.

Позиции РПЦ в нулевые годы укрепляются, епархии заключают ряд значимых соглашений с органами управления образования, медицины, УФСИН, УВД, МЧС [9, с. 428]. Особое внимание уделяется преподаванию модуля «Основы православной культуры» в рамках учебного предмета «Основы религиозных культур и светской этики» в государственных и муниципальных образовательных организациях регионов. Начинается процесс десекуляризации образования.

Уменьшается количество протестантских религиозных организаций. В Магаданской области в начале 1990-х гг было зарегистрировано 37 протестантских организаций, а сегодня только 14 [8, с. 192]. В регионе идет рост ранее отсутствующих конфессий: в Амурской области зарегистрирована в 2009 г. местная мусульманская религиозная организация, а в 2012 году местная религиозная организация Церковь Армянской Апостольской Церкви¹. В Магаданской области в нулевые и десятые годы были зарегистрированы две мусульманские организации².

Социологические опросы [8, с. 193–200] показывают, что среди молодежи в возрасте от 18 до 25 лет можно намечается тенденция к выбору НРД (в Магадане НРД «Аллатра»), возрос интерес к вайшнавам (кришнаитам), которые являются религиозной общиной «сезонного характера»³. Их подвергают административному аресту, штрафуют, но интерес к общине возрастает. Молодежь ищет духовные знания⁴. Путь понятен: традиционные формы религии не дают ответов на духовные вопросы, так как, вероятно, вопросы эти ограничены культурно-образовательным уровнем субъекта, которому желательна простота и «научная мистика» ответов.

Необычным для региона является интерес русской молодежи к мусульманству⁵. В порядке гипотезы можно предположить, что это связано с большим количеством мигрантов, исповедующих ислам и твердо придерживающихся веры. С мигрантами приезжают миссионеры, которые ведут работу в отделенных районах региона.

¹ Реестр некоммерческих организаций. [Электронный ресурс]. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 12.12.2020).

² Реестр некоммерческих организаций. [Электронный ресурс]. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 12.12.2020).

³ Посещают северные регионы Дальнего Востока летом для проведения обрядов на воздухе.

⁴ Сайт газеты Вечерний Магадан. [Электронный ресурс]. URL <https://kolyma.ru/index.php?newsid=87137> (дата обращения: 12.12.2020).

⁵ Личный архив А. И. Поспеловой. (Л. 5).

Жёсткость институционального регулирования занятости на Дальнем Востоке приводит к миграционной убыли населения. Все это рождает новую социальную и этническую картину Дальнего Востока и новые «поиски» религии. Произошла депопуляция Дальнего Востока. Местных работников заменяют вахтовики, которые привозят свои формы духовной жизни и, в первую очередь, «новые» для региона религии [10, с. 264].

Современность ускоряет темп жизни, меняет этнокультурную картину региона, заставляет коммуницировать в религиозном цифровом поле даже в самых отдаленных регионах страны. Мировоззрение современного человека отлично от мировоззрения постсоветского пространства тридцатилетней давности, что приводит к серьезным трансформациям проявлений религиозного: от несоблюдения обрядов до неосознанности в «выборе веры». «Эти трансформации настолько существенны, что периодически всё чаще возникает вопрос: сохраняется ли прежний привычный «идентификационный набор» исторически сложившихся религий?» [11, с. 3]. В современном обществе у человека появляется реальная возможность широкого выбора и некоего «конструирования» религии, элементами и формами которой становятся многообразные культовые практики. Такую религию можно было бы назвать «приватной», отличительными чертами которой становятся «новый мистицизм», персональная автономия, освобождение от внешнего принуждения и возможность самореализации [14, с. 25].

Выводы

Религиозная динамика на Дальнем Востоке в постсоветский период представляет «маятниковую» трансформацию: от «взрывной религиозности» 1990-х гг., через период стабильности, который перешел в стагнацию и формализацию религиозной жизни, и затем к периоду поиска «новой» религиозности. Первый период характеризуется быстрым ростом традиционных для региона православных сообществ (РПЦ) и возникновением множества протестантских и религиозных организаций и общин, которые формировались благодаря миссионерству из США, Южной Кореи, Украины, Канады. Государственно-церковные отношения функционируют в рамках сепарационного типа, основанном на принципе «свободная церковь – свободное государство». Второй период характеризуется формализацией почти всех сторон традиционной религиозной жизни и «уходом в тень» протестантских организаций, идет сокращение числа религиозных организаций. Начинает процесс десекуляризации образования. Третий период (десятые годы XXI в.) характеризуется поисками «новой» религиозности. На фоне системы ограничений и запретов для «нетрадиционных» религиозных организаций

РПЦ принимает на себя идеологические функции. Для молодежи становятся привлекательными неоязычество и НРД. Все эти процессы напоминают излет СССР в 1980-е годы: кризис идеологии и «поиск» новой духовности. У человека появляется реальная возможность широкого выбора и некоего «конструирования» религии, элементами и формами которой становятся многообразные культовые практики.

Список литературы

1. Башлыков Т. В. Религиозная ситуация на территории Крайнего Северо-Востока России: состояние и тенденции развития: моногр. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2004. – 215 с.
2. Барышева Е. В. «Фабрика переделки сознания»: символика советских парков культуры и отдыха в репрезентации власти 1920–1930-х гг. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2016. – № 1 (148). – С. 9–25.
3. Васькин А. А. Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям. – М.: Спутник+, 2009. – 229 с.
4. Дударенок С. М., Поспелова С. В., Поспелова А. И. Особенности религиозной ситуации в Магаданской области (60–90 гг. XX в.) // Религиоведение. – 2003. – № 3. – С. 34–50.
5. Дударенок С. М. Религия, церковь, верующие на российском Дальнем Востоке в конце XIX–XX веке // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2015. – № 50. – С. 368–397.
6. Никульников В. А., Свищев М. П. Конфессиональная ситуация в Хабаровском крае. История и современность // Методика. Информация. Практика. – Хабаровск. – 2001. – № 1 (35). – С. 46–106.
7. Омелянчук С. Н. Развитие миссионерского движения в Приморском крае // Второй съезд Евангельских Церквей Приморского края. Сборник докладов. – Владивосток, 2003. – С. 26–30.
8. Поспелова А. И. Сравнительный анализ религиозной ситуации в магаданской области и данных службы «Среда // Социология религии в обществе позднего Модерна: сборник статей по материалам IV Международной научной конференции. – Белгород: Издательский дом «Белгород», 2014. – С. 193–200.
9. Поспелова А. И., Поспелова С. В. Магаданская область // Православная энциклопедия. – Том. XLIII. МАКСИМ – МАРКЕЛЛ. – М.: Изд-во: «Православная энциклопедия», 2016. – С. 427–432.
10. Пациорковский В. В., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д. Динамика численности населения приоритетных геостратегических территорий России в 2010–2018 годах // III Римащевские чтения. Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни. Сборник материалов международной научно-практической конференции (Москва 27 марта 2020 г.) / отв. ред. В. В. Локосов. – М.: ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2020. – С. 47–51.
11. Трансформации религий в современном обществе и культуре: моногр. / под ред. М. Ю. Смирнова. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. – 140 с.
12. Трофимчук Н. А., Свищев М. П. Экспансия: моногр. – М.: ГУП «Бузулукская тип.», 2000. – 217 с.

13. Федирко О. П. Ревитализация религии на российском Дальнем Востоке в 1980–2000-е гг. // Россия и АТР. – 2020. – № 2. – С. 118–131.
14. Luckmann T. *The Invisible Religion*. – New York: Macmillan, 1967. – 128 p.
15. Cole Durham, jr. W. *Religious Freedom in a Worldwide Setting: Comparative Reflections* // Pontifical Academy of Social Sciences. 2011. April 30. pp.1–22.

References

1. Bashlykov, T. V. (2004). *Religioznaya situatsiya na territorii Krajnego Severo-Vostoka Rossii: sostoyanie i tendentsii razvitiya* [Religious situation in the Far North-East of Russia: state and development trends]: monogr. Tambov: Izd. TGU. 215 p. (In Russian).
2. Barysheva, E. V. (2016). “Fabrika peredelki soznaniya”: simbolika sovetskih parkov kul'tury i otdyha v reprezentatsii vlasti 1920–1930-h gg. [“Factory of consciousness alteration”: the symbolism of Soviet culture and recreation parks in the representation of power in the 1920s – 1930s] *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [News of UrFU. Series 2. Humanities]. No. 1 (148). pp. 9–25. (In Russian).
3. Vas'kin, A. A. (2009). *Stalinskie neboskryebny: ot Dvortsa Sovetov k vysotnym zdaniyam*. [Stalin's skyscrapers: from the Palace of Soviets to high-rise buildings]. Moskva: Izdatel'stvo Sputnik+. 229 p. (In Russian).
4. Dudarenok, S. M., Pospelova, S. V., Pospelova, A. I. (2003). Osobennosti religioznoj situatsii v Magadanskoj oblasti (60–90gg. XX v.) [Features of the religious situation in the Magadan region (60–90 years of the 20th century)] *Religiovedenie* [Religious Studies]. No 3. pp. 34–50. (In Russian).
5. Dudarenok, S. M. (2015). *Religiya, tserkov', veruyushchie na rossijskom Dal'nem Vostoke v konce XIX – XX veke*. [Religion, church, believers in the Russian Far East at the end of the 19th – 20th centuries.] *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii*. [Dialogue with time. Almanac of Intellectual History]. No 50. pp. 368–397. (In Russian).
6. Nikul'nikov, V. A., Svishchev, M. P. (2001). *Konfessional'naya situatsiya v Khabarovskom krae. Istoriya i sovremennost'*. [Confessional situation in the Khabarovsk Territory. History and modernity.] *Metodika. Informatsiya. Praktika*. [Methodology. Information. Practice]. Habarovsk. № 1 (35). pp. 46–106. (In Russian).
7. Omelyanchuk, S. N. (2003). *Razvitie missionerskogo dvizheniya v Primorskom krae* [Development of the missionary movement in the Primorsky Territory] *Vtoroj s"ezd Evangel'skih Tserkvej Primorskogo kraja. Sbornik dokladov*. [Second Congress of the Evangelical Churches of Primorsky Krai. Collection of reports.]. Vladivostok. 2003. pp. 26–30. (In Russian).
8. Pospelova, A. I. (2014). *Sravnitel'nyj analiz religioznoj situatsii v magadanskoj oblasti i dannyh sluzhby “Sreda”* [Comparative analysis of the religious situation in the Magadan region and data from the “Sreda” service] *Sociologiya religii v obshchestve pozdnego moderna: sbornik statej po materialam IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. [Sociology of Religion in Late Modern Society: a collection of articles based on the materials of the IV International Scientific Conference]. Belgorod: Izdatel'skij dom “Belgorod”. pp. 193–200. (In Russian).
9. Pospelova A. I., Pospelova S. V. (2016). *Magadanskaya oblast'* [Magadan Region] *Pravoslav'naya entsiklopediya*. [Orthodox encyclopedia.]. Vol. XLIII. MAKSIM – MARKELL. Moskva: Izdatel'stvo “Pravoslav'naya entsiklopediya”. pp. 427–432. (In Russian).

10. Patsiorkovskij, V. V., Simagin, Yu. A., Murtuzalieva, D. D. (2020). Dinamika chislennosti naseleniya prioritetnyh geostrategicheskikh territorij Rossii v 2010–2018 godah [Population dynamics of priority geostrategic territories of Russia in 2010–2018] *III Rimashevskie chteniya. Sbezhenie naseleniya Rossii: zdorov'e, zanyatost', uroven' i kachestvo zhizni*. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva 27 marta 2020 g.) [III Rimashev readings. Saving the population of Russia: health, employment, level and quality of life. Collection of materials of the international scientific and practical conference (Moscow, March 27, 2020)]. Moskva: ISEPN FNISC RAN. p. 264. (In Russian).

11. Transformatsii religii v sovremennom obshchestve i kul'ture. (2019). [Transformation of religions in modern society and culture] ed. by M.Yu. Smirnov. Sankt-Peterburg: Pushkin Leningrad State University press. 140 p. (In Russian).

12. Trofimchuk, N. A., Svishchev, M. P. (2000). *Ekspansiya* [Expansion]. Moskva: GUP "Buzulukskaya tip.". 217 p. (In Russian).

13. Fedirko O. P. (2020). Revitalizatsiya religii na rossijskom Dal'nem Vostoke v 1980–2000-e gg. [Revitalization of religion in the Russian Far East in the 1980s – 2000s] *Rossiya i ATR* [Russia and Asia-Pacific]. No 2. pp.118–131.

14. Luckmann, T. (1967). *The Invisible Religion*. New York: Macmillan. – 128 p.

15. Cole Durham, jr. W. (2011). Religious Freedom in a Worldwide Setting: Comparative Reflections. *Pontifical Academy of Social Sciences*. April 30. pp. 1–22.

Личный вклад соавторов

Поспелова А. И. – генерация идеи исследования основных периодов динамики религии на Дальнем Востоке, систематизация материала по государственно-конфессиональным отношениям и их специфике, общая редакция материалов, анализ результатов исследования на Северо-Востоке РФ. Дударенок С. М. – постановка задачи исследования миссионерства, систематизация материала миссионерской деятельности, анализ результатов исследования. Федирко О. П. – систематизация материала на основе данных религиозных организаций, анализ результатов исследования и подготовка данных. Общий объем статьи выполнен в равных долях/процентах.

Personal co-authors' contribution

Pospelova A. I. – generation of the idea of studying the main periods of the dynamics of religion in the Far East, systematization of the material on state-confessional relations and their specifics, general revision of the materials, analysis of the results of the study in the Russian Federation North-East. Dudarenok S. M. – statement of the mission research task, systematization of the missionary activity material, analysis of the research results. Fedirko O. P. – systematization the data of religious organizations, analysis of research results and preparation of data. The total volume of the article is made in equal parts/percentages.

Об авторах

Поспелова Александра Ивановна, доктор философских наук, профессор, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан, Российская Федерация, ORCID 0000-0001-7327-5484, e-mail: pospp7@yandex.ru

Дударенок Светлана Михайловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID 0000-0001-2228-0423, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

Федирко Оксана Петровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID 0000-0001-16809-2630, e-mail: fedenka.67@mail.ru

About the author

Alexandra I. Pospelova, Dr. Sci (Philos.), Professor, North-Eastern State University, Magadan, Russian Federation, ORCID 0000-0001-7327-5484, e-mail: pospp7@yandex.ru

Svetlana. M. Dudarenok, Dr. Sci (History), Leading Research Fellow, Department of Social and Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok, Russian Federation, ORCID 0000-0001-2228-0423, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

Oksana P. Fedirko, Dr. Sci (History), Leading Researcher, Department of Social and Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok, Russian Federation, ORCID 0000-0001-16809-2630 e-mail: fedenka.67@mail.ru

Поступила в редакцию: 11.01.2021

Received: 11 January 2021

Принята к публикации: 25.02.2021

Accepted: 25 February 2021

Опубликована: 31.03.2021

Published: 31 March 2021